

Иванова Наталья Александровна

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАУКИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье ставится задача выявить отношение между наукой и повседневностью. Основой исследования выступает концепция "социальной экзистенции" П. Штомпки. Доказывается, что повседневность является необходимым условием и объективной предпосылкой научной практики. В качестве аргумента автор ссылается на современные лабораторные исследования науки, которые показывают, что повседневность науки проявляется в контекстном, ритуализированном, телесно-материальном, пространственно-временном характере научного производства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 80-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101

Философские науки

В статье ставится задача выявить отношение между наукой и повседневностью. Основой исследования выступает концепция «социальной экзистенции» П. Штомпки. Доказывается, что повседневность является необходимым условием и объективной предпосылкой научной практики. В качестве аргумента автор ссылается на современные лабораторные исследования науки, которые показывают, что повседневность науки проявляется в контекстном, ритуализированном, телесно-материальном, пространственно-временном характере научного производства.

Ключевые слова и фразы: наука; повседневность; контекст; ритуал; тело; темпоральность; пространство.

Иванова Наталья Александровна, к. филос. н., доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

phil@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАУКИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?®

Современные социальные и гуманитарные науки апеллируют к ряду понятий, использование которых с целью рефлексивного анализа науки требует специального прояснения. Речь идет о таких понятиях-проблемах, как «повседневность» и «жизненный мир». Стоит отметить, что понятие «жизненного мира» в большей степени связано с гуманитарной традицией, а использование понятия «повседневность» характерно для наук социальных. В настоящем исследовании не ставится задача выявить специфику данных концептов в их отношении друг к другу, так как в настоящее время общепризнано, что эти понятия не являются строгими и носят междисциплинарный характер. Общим же между ними является, во-первых, указание на субъективный характер, с одной стороны, и связь с историко-культурными формами – с другой. Во-вторых, современные подходы к анализу науки характеризуются отказом от традиции рассматривать «повседневность» и «жизненный мир» как альтернативу научному теоретизированию, а вслед за феноменологией в лице Э. Гуссерля и его последователя А. Шюца стремятся трактовать «жизненный мир» как условие возможности, а «повседневность» – как фон научной практики. При этом вопрос о «точках возврата» науки к «жизненному миру» и «повседневности» представляет собой важнейшую и труднейшую задачу, направленную на выявление скрытых оснований научных истин, восстановление генетических источников связи науки, жизненного мира и повседневности, а также описание механизмов конституирования науки [15, с. 135].

Что касается различий, то трактовки понятий «повседневность» и «жизненный мир» имеют национальную специфику. Так, например, в работах А. Шюца понятие «жизненный мир», «повседневность», «обыденный мир» используются как взаимозаменяемые. Шведский социолог П. Монсон полагает, что в то время как обыденный мир выступает частью науки, жизненный мир обладает автономией [14, с. 85]. Отечественные исследователи ставят задачу прояснить различие между повседневностью, обыденным знанием и здравым смыслом, указывая на разнообразие подходов в анализе повседневности. Среди выделяемых И. Т. Касавиным и С. П. Шевелевым подходов особое внимание заслуживают два ракурса анализа повседневности: социально-антропологический и когнитивно-социологический. Первый трактует повседневность как «кумулятивный опыт группы, в котором осуществляется постепенный прирост содержания в ходе решения стандартных проблем в контексте проживания повторяющихся структурно-подобных ситуаций» [9, с. 15]. Трансляция опыта при этом осуществляется посредством лидеров, отвечающих за процесс социализации новых членов. Данный подход позволяет рассматривать ученых как группу, связанную с корпусом умений и навыков, так как научная подготовка в значительной мере представлена овладением решения проблем общепринятым способом – путем подражания. Второй подход рассматривает повседневность как ресурс и фон культурного творчества, когда индивидуальное авторское творчество инициируют «разрывы» и революции, которые в процессе воспроизводства приобретают интересубъективную форму и выступают в роли традиций. Этот ракурс анализа науки позволяет пересмотреть представление о науке как сфере безличностного знания, так как подчеркивает значение роли научных лидеров, результаты деятельности которых приобретают дисциплинарный характер.

В отношении позитивных коннотаций повседневности используется подход, предложенный польским исследователем П. Штомпкой в рамках разрабатываемой им идеи «социальной экзистенции» [19]. Он указывает на следующие аспекты повседневности.

Во-первых, повседневность всегда предполагает *контекст*, который варьируется от ситуации «лицом-к-лицу» и лингвистических форм до структурной детерминации. Это означает, что даже в случае отсутствия ситуации непосредственного присутствия другого повседневность всегда предполагает отсылку к интересубъективному, которое может выступать в семантической, нормативной, эмпирической, логической и операциональной формах, выявленных К. Хюбнером [18]. На роль контекста (социального заказа, культурно-исторических детерминант, экономических условий) в производстве научного знания, как известно, указал экстернализм, и, казалось бы, что в постулировании связи между научным производством и внешним социальным контекстом

нет ничего нового. Однако современные исследования не ограничиваются простой констатацией, а направлены на выявление механизмов предполагаемой взаимосвязи. Одной из наиболее удачных в этом отношении попыток следует признать концепцию финализации, представители которой как раз и ставят задачу выявить пределы и условия «внешней» детерминации науки. Выделяя три уровня институционализации науки политическим путем, представители Штарнбергской группы исследуют взаимосвязь трех уровней (институционального, политического и когнитивного) [4]. В частности, они указывают, что политическое определение науки проявляется в выполнении наукой функций оценки и описания, управления и конструирования систем, а также их построения. Когнитивный уровень представлен тремя измерениями: методологическим или техническим, теоретическим, и отношениями между научными специальностями. Институциональный уровень включает процессы дифференциации, интеграции и воспроизводства. Политическая институционализация науки не носит линейного характера, так как все указанные процессы находятся в сложной взаимосвязи, которая включает в себя относительную автономию уровней, существование зазоров и необходимость перевода, а главное – выступает естественным и самоочевидным условием научной практики. Контекстуальный характер повседневности научной практики означает требования ее изучения не только в аспекте взаимосвязи «внешнего» и «внутреннего», но и в ситуационной целостности (с учетом пространственно-временного измерения, материальной и технической оснащенности, коммуникативных связей). Характерное для лабораторных исследований изучение научной практики в ситуационной целостности бросает вызов идее социально-познавательного различия, предлагая трактовать ее как результат рефлексивной интерпретации научного производства. Разнообразие же контекстов, присущих современной науке, казалось бы, делает невозможным какие-либо обобщения. Однако практически никто сегодня не отрицает той важной роли, которую играют в науке тексты, представленные как в виде формальной литературы, так и устной риторики. Большое значение в экспертных культурах, каковой является наука, имеет также опыт отношения с объектами, выполняющими интегрирующую роль. И такой опыт образует особый аспект повседневности науки. В целом вскрыть научную практику в современных условиях означает поставить под сомнение ее интеллектуалистскую интерпретацию, признав, что контекст также важен, как и содержание.

Во-вторых, событиям повседневности присуща *повторяемость и цикличность (рутинизация)*. Как показали П. Бергер и Т. Лукман, любая социальная практика, являясь продуктом непрерывного человеческого производства, подвергается процессу хабиитуализации, рутинизации и типизации [1, с. 89-112]. Именно «типизация опривыченных действий» образует основу любой институализации, которая, в свою очередь, типизирует как действия, так и деятелей. В этом отношении повседневность имеет ряд характеристик. Во-первых, временное измерение, так как складывается в ходе истории. О научной практике можно говорить, используя понятие «локальный порядок», который принимает форму последовательности наблюдений, экспериментов и испытаний, реализуемых учеными. Во-вторых, хабиитуализация выполняет контролирующую функцию, обеспечивая одновременно чувство онтологической безопасности. Механизмы дополнительного контроля требуются лишь тогда, когда данный процесс оказывается не достаточно успешным. В-третьих, обеспечивая стабильное протекание, повторяющийся характер повседневности в качестве заднего плана позволяет высвободить энергию для инноваций. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего как нечто отдельное научные открытия (экстраординарные события) и рутинную лабораторную практику, повседневность позволяет выявить их диалектическое единство. Научное открытие как передний план становится возможным благодаря наличию заднего плана в форме повседневных действий ученых. Повседневность выступает условием возможности нового, т.к. появление необычного и инноваций прокладывает себе путь благодаря отклонениям от правил, когда новое не «улавливается» общими принципами. В-четвертых, зачатки типизации имеют место уже при взаимодействии двух субъектов, а не только в многочисленных сообществах, что делает возможным изучение «малой» науки. Другими словами, хабиитуализация проявляется в любой ситуации взаимодействия, имеющей темпоральное измерение, и может создаваться как в ходе наблюдения, так и посредством дискурса. Наиболее важным последствием привычных и воспринимаемых как данность стилей и форм поведения является возможность предвидеть действие другого, то есть предсказуемость. Условием возможности типизации является релевантность ситуаций, которая может быть представлена интересами, общими для участников взаимодействия. В итоге практики, образованные в процессе хабиитуализации, начинают восприниматься как внешняя объективная реальность. Данный аспект повседневности в философии науки описывается понятием «научные традиции», на роль которых обратил внимание Т. Кун. Являясь механизмом воспроизводства культурных практик, традиция обеспечивает преемственность и консенсус и одновременно выступает фоном научных открытий. Введение в философию науки понятия традиции было вызвано требованием расширить перечень оснований научной деятельности, включив в него не только символические обобщения, образцы решения задач, концептуальные модели, но и ценностные установки философского, социального и общемировоззренческого характера. Это подтверждает идею Вебера о том, что группы объединяются не только благодаря следованию определенному кодексу чести, но и потому что практикуют общий стиль жизни, и что любой специализированной деятельности присущи рутинность и привычность (труд), наряду с творчеством и вдохновением [5, с. 707-735].

В-третьих, повседневность предполагает установленный порядок действий (*ритуал, церемониал*). Современные дискуссии о субъекте способствуют пересмотру классического понимания его как существа мыслящего, признавая, что человек существует в целостности мышления, чувства и деятельности [13]. Об этом свидетельствует и трактовка субъекта как «церемониального животного» в работах Л. Витгенштейна, указывающего

на включенность субъекта, обладающего плотью, в социальные практики [6]. Подтверждением также может служить теория «сетей ритуалов взаимодействия» Р. Коллинза, который, критикуя положение К. Маркса о том, что культурные различия обусловлены степенью политической власти, и развивая идеи антрополога М. Дугласа, полагает, что в современном обществе именно ритуалы выступают основой стратификации [12, с. 235]. Ритуализированные практики сосуществуют наряду с индивидуализмом и партикуляризмом, образуя тем самым онтологическое единство социальных феноменов микро- и макроуровней. Так как социальный мир включает в себя как людей, так и объекты, то его стабильность зависит от индивидов, которые в ситуациях повседневности поддерживают (многократно воспроизводят в определенном пространстве, используя определенные вещи) определенные виды практик. Одновременно ситуации интеракций встроены в структуры, представленные сетями или цепочками взаимодействий, располагающимися в пространственно-временном континууме и образующими общий контекст. При таком подходе субъект – это продукт актуальных и предшествующих ситуаций интерактивных ритуалов, образующих горизонт личности. В фокусе внимания участников могут быть как символические, так и физические объекты. Общая сосредоточенность на объекте внимания придает им особый характер, порождая общее настроение и эмоциональное состояние (симпатии, уважения, недоумение, раздражение). На чувство единства и общности, имеющее моральный и эмоциональный аспекты, указывает в своих исследованиях лабораторных практик К. Кнорр-Цетина, приводя в качестве примера исследования Мак-Клинок в области цитогенетики [10]. Об эвристической роли страстности в науке писали М. Вебер и М. Полани [5; 16]. А интерпретацию научной экспертизы как обряда перехода или институализации в форме защиты кандидатской диссертации предлагает Н. В. Демина, рассматривая научный мир как совокупность «племен» со своими обрядами, ритуалами и церемониями [8].

В-четвертых, повседневность имеет *телесно-поведенческую и предметно-вещную* природу. На то, что научная практика, усвоенная в процессе обучения и основанная на опыте, имеет не только интеллектуальный, но и телесный характер, обращает внимание Г. Б. Гутнер [7]. Обращение современной философии науки к телесному как основанию интересубъективности соответствует предложенной А. Шопенгауэром трактовке субъекта как двуликого Януса, так как человек является, с одной стороны, представляющим, с другой – волящим, и обе эти стороны медали неотделимы друг от друга. При этом субъект является волящим не в силу обладания представлениями и познанием, а благодаря обладанию телом, которое есть проявление и объективация воли. На различие телесных практик и их зависимость от группы (например, на то как члены группы следят за собой или одеваются) указывает Р. Коллинз. С одной стороны, существуют аскетические и моралистические группы, контролирующие свои эмоции и каноны телесности. В другой группе ценятся самовыражение и следование тому, что нравится (длинные волосы или короткая стрижка, свободная или застегнутая на все пуговицы одежда). Позиционировать себя неравным другим позволяют формы приветствия и вежливости, которые объединяют людей. Различными также являются способы обращения с вещами. Применительно к науке хрестоматийными являются рассуждения М. Полани об использовании молотка или трости слепым, которые, включаясь в сферу нашего бытия, становятся частью личности. Материальная сторона научной практики сегодня активно обсуждается в рамках акторно-сетевого подхода, подчеркивающего, что лабораторные исследования помимо записей включают в себя материальные ресурсы. Однако следует отметить, что материальный и телесный характер повседневности не являются тождественными. Особенно важно это в связи с теми дискуссиями, которые ведутся сегодня в отношении «онтологии артефактов». Так, Г. Коллинз исходит из того, что человеческое тело и материальный мир не являются симметричными: несмотря на то, что «подручные средства» расширяют человека вовне подобно частям тела, они не обладают интенциональностью, а также возможностью участвовать в социальном мире [11]. При этом представители «поворота к материальному» правы в том, что вещи не обладают лишь символическим измерением, а вносят вклад в процесс глобализации мира.

В-пятых, повседневность разворачивается в *пространстве*. На особое значение места научной практики наряду с другими аспектами повседневности науки также указывают этнометодологические исследования, выявляющие разнообразие лабораторной жизни. Например, разные конфигурации пространства демонстрируют физические и биологические лаборатории. Так, современные передовые астрофизические исследования ведутся с использованием ноутбуков и компьютерных программ, т.е. ученые не наблюдают за звездами напрямую, а анализируют их траектории и записи. Биологические же лаборатории предполагают белые халаты, лабораторных животных, сложное оборудование, очищенные вещества, нестабильные объекты манипуляций [20]. Научные исследования разворачиваются как в пространстве конференций, так и в курительных и чайных комнатах, изучение которых показывает, что наиболее важные высокоспециализированные навыки часто носят устный характер. Пространственный аспект наиболее наглядно демонстрирует себя при различении «большой» и «малой» науки. Малую науку отличает традиционный стиль, ограниченные местные ресурсы, индивидуальная инициатива, быстрая отдача. Большая наука, рожденная в 50-е гг. XX века в военных лабораториях, предполагает организованную иерархию, федеральное и транснациональное финансирование, бюрократизацию, то есть крупные сети или ассоциации. Регионализация пространства может принимать форму сегрегации, когда физики-теоретики занимают самые престижные офисы, а экспериментаторам достаются «подвальные» помещения.

В-шестых, повседневность имеет *темпоральное измерение*. Введение фактора времени в анализ научного производства означает, во-первых, признание неопределенности и импровизации, присущих любой практике, включая научную. Во-вторых, замену представлений о науке анализом реальных научных стратегий,

возможность обнаружить за видимой нормативностью и закономерностью разнообразие необратимых рядов выборов и решений. Говоря словами П. Бурдые, увидеть особую логику практик, в которой осуществляются нестандартные решения, нарушающие общие правила. Когда задача лидера не просто принять решение, а убедить других, внушив свое решение как законное. Изучение науки в режиме реального времени – основное требование акторно-сетевого подхода. На необходимость исследовать темпоральное измерение научной практики вместо традиционного подхода, в фокусе внимания которого оказывались причинные объяснения, настаивает Э. Пикеринг. Используя его идею можно сказать, что научные исследования имеют темпорально-эмерджентный характер, то есть их результаты никогда полностью заранее не известны, так как научные проблемы постоянно возникают и разрешаются [20]. Изучение науки в ее темпоральном измерении наиболее явно демонстрирует проблематичный характер повседневности науки, который перестает быть таковым лишь на стадии демонстрации конечного результата (научного факта). Темпоральная и пространственная дифференциации позволяют рассмотреть научную практику не как гомогенную, унифицированную систему, а, говоря словами Э. Гидденса, ее регионализацию. Это дает возможность говорить о научных центрах и периферии, где первые имеют ресурсы для установления контроля над вторыми.

Наконец, в повседневности часто *отсутствует рефлексивный момент*. В отличие от подхода, рассматривающего науку как деятельность, которая характеризуется точной и полной экспликацией, обращение к повседневности подчеркивает роль «неявного знания», носящего как коллективный, так и личностный характер. Возможно, что даже термин «знание» в данном контексте не совсем верен, так как нерелексивный характер повседневности науки скорее указывает на значение практического участия в научной деятельности, а не на усвоение правил, которые ее регулируют. И на то, что этот процесс не носит однозначно рационального характера, не сопровождается полным пониманием происходящего, каковым он предстает *post factum*. Данный аспект позволяет избежать превращения повседневности в универсальную категорию, так как повседневность науки не является единственным основанием производства научных истин, однако по причине своей неавтономности она выступает необходимой предпосылкой и формой существования научной практики, о чем свидетельствуют современные лабораторные исследования науки. Исследовательская позиция автора статьи состоит в том, что научная практика с необходимостью носит повседневный характер, что противоречит традиционному противопоставлению научного и повседневного, предостерегает от абсолютизации когнитивного и нормализующего аспектов научной деятельности, способствует «демистификации» науки. И это позволяет, вслед за Б. Вальденфельсом, настаивать на восстановлении повседневности в правах в тройной форме «как просачивающейся, поднимающейся и сплавляющейся» [3].

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла. С. 17-23.
4. Ван Ден Деле В., Вайнгарт П. Сопротивление и восприимчивость науки к внешнему руководству: возникновение новых научных дисциплин под влиянием научной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://courier-edu.ru/pril/posobie/weing.htm> (дата обращения: 20.03.2013).
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. Галанина К. Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 138-148.
7. Гутнер Г. Б. Неявное знание и новизна в математике // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XV. № 1. С. 117-123.
8. Демина Н. В. Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1. С. 97-112.
9. Касавин И. Т., Шевелев С. П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
10. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: сб. ст. / под. ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 267-306.
11. Коллинз Г. Социальное картезианство и онтологическая асимметрия // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 17-34.
12. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 320 с.
13. Микешина Л. А. Философия познания. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
14. Монсон П. Современная западная социология: теория, традиции, перспективы / пер. со шв. СПб.: Нотабене, 1992. 445 с.
15. Мотрошилова Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 134-144.
16. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
17. Хьюбнер К. Истина Мифа. М.: Республика, 1996. 386 с.
18. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 3-13.
19. Pickering A. The Mangle of Practice: Agence and Emergence in the Sociology of Science [Электронный ресурс] // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 99. № 3. P. 559-589. URL: <http://www.jstor.org/stable/2781283> (дата обращения: 13.10.2013).
20. Pinch T. The Culture of Scientists and Disciplinary Rhetoric // European Journal of Education. 1990. Vol. 25. № 3. P. 295-304.

DAILY ROUTINE OF SCIENCE: MYTH OR REALITY?

Ivanova Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
phil@mail.ru

The paper sets a task to discover the relation between science and daily routine. P. Sztompka's conception of "social existence" comes out as a basis of the research. The author proves that daily routine is a necessary condition and objective prerequisite of scientific practice. As an argument, the author refers to the modern laboratory researches of science, which testify that the daily routine of science manifests itself in the contextual, ritualized, outward-material, spatial-temporal nature of scientific industry.

Key words and phrases: science; daily routine; context; ritual; body; temporality; space.

УДК 101.1

Философские науки

В статье рассматриваются основные положения философского учения А. Т. Болотова – русского философа XVIII века, ученого, энциклопедиста, поэта. Особое внимание уделяется его антропологическим и гносеологическим воззрениям. В статье утверждается, что для отечественной философии XVIII столетия было характерно стремление не только построить свои оригинальные философские системы, но и воспитать на их основе нового современного просвещенного, деятельного человека. Именно в этом видел свою цель русский философ А. Т. Болотов.

Ключевые слова и фразы: русская философия XVIII в.; русская антропология XVIII в.; энциклопедизм; А. Т. Болотов.

Ионайтис Ольга Борисовна, д. филос. н., профессор
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Ionaitis@yandex.ru

Пенькова Елена Александровна
Мурманский государственный технический университет
ya.elepenenkova2013@yandex.ru

А. Т. БОЛОТОВ – РУССКИЙ ФИЛОСОФ XVIII ВЕКА[©]

XVIII век в истории России был веком радикальных перемен в политической, социальной, культурной жизни страны. Изменилось и отношение к философии и философу. Философ понимался не просто как любознательный, удалившийся от жизни с ее суетой и посвятивший себя поиску истины, а как человек, занимающий активную жизненную позицию, влияющий на судьбу государства и людей, его окружающих. Философ XVIII столетия – это человек всесторонних знаний, ученый-энциклопедист, художник, поэт, политический деятель. Таковыми были Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, М. В. Ломоносов. Отразил тенденции времени в своем творчестве и Андрей Тимофеевич Болотов (1738-1833 гг.).

А. Т. Болотов родился 7 октября 1738 г. в деревне Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии. Его отцом был полковник Измайловского полка. Начальное образование его было не совсем полным, что объясняется полковой жизнью семьи. Поэтому отец отдает его в петербургский пансион Ферре, где юный Болотов изучает языки, рисование, поэзию. В 16 лет Болотов начинает свою военную службу в Архангелогородском полку. С 1758 г. по 1762 г. он служит в Кенигсберге. В это время он начинает заниматься самообразованием. Этот период своей жизни А. Т. Болотов вспоминает так: «...и с самого того времени началось прямо мое чтение книг, которое после обратилось мне в толикую пользу» [5, с. 374]. В это время он знакомится с философией, особое внимание привлекает его немецкая философия. После прочтения книги И. Г. Готтшеда «Начальные основания философии» Болотов пишет собственное сочинение – семь вечерних размышлений на каждый день недели под названием «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня недели, относящиеся к самому себе и к Богу». После изучения Готтшеда особое внимание Болотов сосредоточил на изучении философской концепции Хр. Вольфа.

Осознав, что «рожден не для службы, а для науки», он удаляется в свое имение и там пытается реализовать идеал дворянина-философа. Круг интересов Болотова широк – он занимается философией, экономикой, юриспруденцией, педагогикой, много переводит, увлекается театром и живописью. Представляют, безусловно, интерес его исторические сочинения, посвященные русско-турецкой войне, французской революции, Отечественной войне 1812 года. «Чуждый стремления к богатству, карьере и славе (все его сочинения и